

СТАНИСЛАВ СМАГИН

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ГИМНАСТИКА

Труды и дни Ф.Л. Яна

Мало какая страна дала национализму столько, сколько Германия. Дело не только в стереотипах, укоренившихся в массовом сознании, где национализм=нацизм=Гитлер, но и в объективной реальности. Немецкие мыслители и философы внесли в формулирование и разработку идей национализма больший вклад, чем кто-либо. Одна из двух базовых концепций классического национализма носит гордое имя «немецкой» (вторая, соответственно, французская).

Кстати, если спросить у обывателя, с какой нацией у него ассоциируются занятия гимнастикой, он, скорее всего, тоже первым делом вспомнит немцев. Вот тут дело как раз в стереотипах, причем основанных даже не на каких-то фактах и их рефлексии, как в случае с национализмом и Гитлером, а на традиционных расхожих представлениях о разных народах: итальянцы веселые, англичане чопорные, немцы подтянуты, исполнены витальности и каждым своим жестом, шагом и взмахом рук словно чертят безукоризненно прямые линии. Но это случай, когда стереотипы не врут, — массовое гимнастическое движение зародилось именно в Германии, более того — напрямую связано с теоретическим и практическим развитием там же национализма. Связующим же звеном двух знаковых явлений стал Фридрих Людвиг Ян.

Ф.Л. Ян родился 11 августа 1778 г. в

Ланце (Бранденбург) в семье лютеранского пастора. Отцовский род занятий до определенного времени предопределил судьбу Фридриха. Получив начальное образование в стенах родного дома, юноша с 1791 г. учился в гимназии Зальцведела, а после ее окончания поступил в гимназию при одном из берлинских монастырей. С 1796 г. он несколько раз менял университеты, изучая богословие и философию в Галле, Гёттингене и Грейфсвальде¹.

Это была пора предельной насыщенности воздуха раздробленной на сотни государств и государствочек Германии новыми смыслами и порывами. Совсем недавно отшумела Буря с придатком в виде Натиска, Гердер уже сформулировал идею «народного духа» и рассказал, как важно национальное государство для свободного бытия человеческого духа. Захватывает происходящее вокруг и Ян. Он участвует в борьбе за чистоту немецкого языка и впервые пробует себя в качестве публициста и политического автора. Однако официальная реакция на Французскую революцию и вызванный ею накал европейского (в том числе и немецкого) романтического вольнодумства сурово пресекает всякое низовое национальное и патриотическое творчество. Гонения на университеты, пик

¹ Hans-Joachim Bartmuss, Eberhard Kunze, Josef Ulfkotte: «Turnvater» Jahn und sein patriotisches Umfeld. Briefe und Dokumente 1806–1812. Köln–Weimar: Böhlau Verlag, 2008, S. 19.

которых приходится на 1800 г., самым непосредственным образом затрагивает Яна, на тот момент уже практически обладающего сомнительным статусом «вечного студента». Некоторое время он живет в Бреслау. В 1802 г., оказавшись в университете Грейфсвальда, Ян знакомится с Эрнстом Морицем Арндтом, еще одной знаковой фигурой немецкого национального движения. В общении с ним начинают прорисовываться пока еще смутные контуры будущей идеи «Объединенной Германии». Через год, завершив свою многолетнюю студенческую эпопею, Фридрих сам решает посвятить себя педагогическому ремеслу. Он становится домашним учителем детей барона Ле Форты, которым преподает немецкий язык и историю. Ян пока еще разве что смутно догадывается: в скором будущем ему предстоит стать активным соучастником новых этапов этих двух дисциплин...

В 1805–1806 гг. борьба с Наполеоном стала для Германии по-настоящему Отечественной, пусть Отечество и было расколото. В октябре 1806 г. война пришла на прусскую землю. Король Фридрих Вильгельм III (дед нашего Александра II) поначалу был настроен весьма решительно, более того — сам и развязал новый раунд противостояния с Бонапартом. Однако сокрушительное поражение в двойной битве под Йеной и Ауэрштедтом сбило с монарха всю спесь. Дальнейший ход кампании был еще более катастрофическим — в 1807 г. Пруссия полностью оказалась под пятой французских оккупантов. Наполеон, разозленный дерзостью берлинского монарха, на мирных переговорах в Тильзите предложил Александру I разделить земли Гогенцоллернов пополам, устранив с географической карты само прусское имя. Царю стоило немало труда отговорить визави от такого решения. Пруссия осталась жить — униженная, растоптанная, обкорнанная, превращенная в бессловесного вассала Парижа.

В начале войны Ян, как и практически все прусское общество, испытал чувство необычайного патриотического подъема. Он решил пойти добровольцем в действующую армию, но попал туда только после Йенской катастрофы. Итоги войны стали для Фридриха, как и, опять же, для общества в целом, серьезнейшим ударом. Пусть Пруссия формально не исчезла с карты, но в сердцах многих ее жителей на месте Родины образовалась в лучшем случае кровоточащая рана, в худшем — ноющая пустота. Но Ян в уныние не впал, у него, испытавшего своеобразный гражданский катарсис, проснулся вкус к большим делам. И он стал делать все возможное для национального возрождения и реванша, причем сразу по двум направлениям.

Первое из них — публицистическая и ораторская деятельность, которая ему была уже не совсем в новинку. Здесь вершиной на первом этапе общественно-политической активности Яна становится трактат «*Deutsches Volkstum*», что переводится как «Немецкая народность». Термин «народность» имеет в трактате не расплывчато-деэтнизированный характер, как чуть позже в России, а обладает вполне четкими коннотациями, отсылающими к национализму. Национализм этот носит демократический и скорее этнический, чем абстрактно гражданский характер.

Основное острие своего негодования Ян обращает против французов. Это негодование имеет у него фундаментальный, дискурсообразующий характер. Ян с гневом пишет о том, что французы победили Пруссию задолго до формального триумфа на полях сражений — на самом деле это произошло тогда, когда язык Мольера и Дидро стал обиходным языком прусского общества, принесся в нагрузку еще и французские привычки и стиль жизни. Поэтому мало мечтать о военном реванше — надо для начала избавиться от французского (равно как и

любого другого иноземного) культурного влияния. Ян воспекает немецкий язык и традицию, возврат к которым считает главным условием национального подъема. Он призывает отказаться от иностранной одежды в пользу отечественной. Также нужно отринуть чужеземные имена (даже имеющие библейские корни) и календарные названия месяцев и дней недели. Декларируется цель объединения немецких земель под сенью короны Гогенцоллернов, причем с включением в ее состав Швейцарии, Дании и Голландии. Столицей Великой Германии, по мнению Яна, должен быть не Берлин либо какой-то другой из существующих немецких городов, а новый город, построенный в Тюрингии и носящий условное имя Тевтония, где должны были сойтись транспортные магистрали из разных концов империи: Дюнкерка, Женевы, Копенгагена, Мемеля, Сандомира и Фиуме.

Ян считал, что границы государств должны совпадать с границами этнографическими: «Существуют границы и естественные разделения, которые вполне очевидны даже при беглом взгляде на географическую карту». Это касается не только Германии, но и, скажем, Испании, в состав которой, устранив историческую несправедливость, необходимо включить Португалию, «нарыв на испанском теле».

Параллельно с планами по укреплению немецкого духа Ян активно занимался оздоровлением немецкого тела. Он не единственный, кто тесно увязывал эти процессы — другой видный мыслитель того же времени, Иоганн Готлиб Фихте, творивший параллельно, в своих «Речах к немецкой нации» озвучил план всеобщего национального воспитания, предусматривавший формирование воли, характера и хорошей физической формы подрастающего поколения, которому предстоит взять реванш у внешних захватчиков и внутренних неприятелей. Ф.Л. Ян также уделил внимание концептуализа-

ции и теоретической стороне вопроса. Все в той же «Немецкой народности» он характеризовал физические упражнения как средство наиболее совершенного немецкого национального образования, отмечая, что спортивные соревнования и состязания на традиционных национальных праздниках дадут возможность каждому немцу почувствовать радость не только от спортивной победы, но и от единения народа вокруг короля, ведущего нацию к триумфам и свершениям. Но теорией все не ограничилось — далее последовал переход от слов к делу.

После войны 1806–1807 гг. Ян в качестве основного рода занятий вновь вернулся к педагогике, работая младшим преподавателем, а с 1809 — преподавателем физической культуры в Берлине. В ноябре 1810 г. он с одиннадцатью друзьями основывает в Берлине тайный Союз освобождения и объединения Германии. Параллельно с участием в его деятельности Ян, прогуливаясь на свежем воздухе и выполняя различные упражнения со своими учениками, все более укрепляется во мнении относительно первостепенной важности физической закалки и сноровки для дела национального реванша. Наконец, в июне следующего года он организует в Берлине на лугу Хазенхейде первую открытую гимнастическую площадку — Турнплац. Здесь собирается группа единомышленников, в первую очередь студентов, разделяющих с Яном идею национального возрождения и реванша. Турнплац была настоящим средоточием физкультурно-спортивных новшеств — здесь были и брусья, и канаты, и гимнастические кольца, и бревно, и «конь», действительно походивший на небольшую лошадь с паклевым хвостом. Ян составил свод упражнений на гимнастических снарядах, перекладине, брусках и коне, заключавшихся в многократном повторении отдельных элементов — подъемов, оборотов, махов, отжиманий от пола

и других действий, кажущихся сейчас нам стандартными, банальными и существовавшими едва ли не всегда. Ян дал своему детищу имя «турнкунст» — искусство изворотливости (сокращенно — турнен), и учеников называл турнерами. Сам же он вошел в историю как Turnvater (Турнфатер, или Отец гимнастики). Важнейшее значение в системе занятий придавалось играм, плаванию, фехтованию и пешим прогулкам.

Ян не устал подчеркивать конечную цель своего движения — подготовка бойцов для будущего освобождения Отечества, но при этом всегда акцентировал и его демократический характер. Воевать гимнасты должны были не как обычные солдаты, а как свободные граждане Германии. Поэтому говорилось, что гимнасты не маршируют, а ходят, называют друг друга исключительно на «ты» и поют песни, прославляющие гражданское равенство. В качестве лозунга турнеров их «отец» популяризовал сочетание четырех «ф»: «фриш, фромм, фрейлих, фрей»².

Число гимнастических обществ, калькирующих деятельность Турнплаца, постепенно увеличивалось. Ян продолжал и продолжал подчеркивать, что его деятельность направлена на получение сатисфакции у французов, будущую — и неизбежную — войну с которыми видел высшей точкой национального духа. У прусских властей, боявшихся как неподконтрольной им низовой самоорганизации, так и гнева Парижа, разрастание гимнастического движения вызывало тревогу. Но вот настал момент, когда официальный Берлин осторожно протянул руку своим патриотам — 1813 год, начало Зарубежного похода русской армии.

После длительных колебаний Пруссия решается вступить в антинаполеоновскую коалицию. Для Яна это

известие становится едва ли не самым счастливым моментом в жизни. Еще в феврале 1813 г. он, будучи в Бреслау, принимает активное участие в формировании добровольческого корпуса Лютцова. Его назначают командиром одного из батальонов, костяк которого составляют верные соратники и подопечные с Турнплаца. Ян в полную силу использует имеющиеся козыри организатора и военачальника — умение убеждать добровольцев на вступление в ряды армии и мотивировать их затем на ратные подвиги, доскональное знание местности в Центральной и Северной Германии, хорошее знакомство с опытом герильи (партизанской войны) в Испании³. Со своими ребятами командир не раз совершает вылазки в тыл неприятельской армии. Однажды, переодевшись крестьянами, они взяли корзины, наполненные провизией, и под видом торговцев посетили французские позиции, где досконально изучили их расположение. После дерзкой акции Ян, пересчитывая вырученные за снесь деньги, усмехнулся: «Это было неплохое мероприятие и с коммерческой точки зрения»⁴.

Ян остается верен идеям и идеалам демократического национализма. Во время «битвы народов» под Лейпцигом он провозглашает цели своей борьбы: «Единство Отечества, свобода слова, Конституция». Победа над Наполеоном, кажется, делает эту мечту максимально близкой к реальности, но до ее воплощения в жизнь, увы, так и не доходит.

* * *

Венский конгресс зафиксировал продолжающуюся раздробленность Германии. Более того, прусские власти возродили подозрительность по отношению к патриотам, своими горячими

³Arnd Krüger. Sport und Politik. Vom Turnvater Jahn zum Staatsamateur. Hannover: Fackelträger, 1975.

⁴Die Gartenglaube, 1867. Heft 35. S. 559–560.

мечтами относительно национального объединения якобы подрывающим внутри- и внешнеполитическую стабильность. Мнение «уважаемых зарубежных партнеров» превалирует над чаяниями немцев. Разочарованный, Ян уходит в отставку, вновь возвращаясь на должность преподавателя гимнастики в Берлине. Он продолжает популяризацию «духа Турнплац», и в одной только Пруссии число отжимающихся, подтягивающихся и прыгающих через различные снаряды юношей составляет несколько тысяч. Одновременно Ян принимает участие в организации первого общегерманского студенческого общества (Burschenschaft) в Йене.

Не забыта и ораторско-публицистическая деятельность. Он вводит в немецкий политический оборот такой термин, как фюрер (der Fuehrer). Это вождь, творящий судьбу нации и стоящий выше демократических условностей, при этом об отказе от низовой демократии речь по-прежнему не идет. Вождь будет вызван к жизни самим провидением, а народ должен воспринять его как спасителя и довериться ему. В свою очередь, общая вера в вождя сплотит нацию и, создавая коллективное счастье и гармонию, поспособствует развитию каждой отдельно взятой личности. Подобные взгляды еще сильнее настораживали власти, пусть формально статус Гогенцоллернов в качестве будущих объединителей Германии Ян все еще не отрицал; он просто не уделял монархии первостепенного значения в своих построениях. Говоря об этом грядущем объединении, Ян подарил новую жизнь высказыванию Гиппократов о лечении лекарствами, огнем и железом: «То, что не излечит медицина, будет излечено железом, то, что не излечит железо, будет излечено кровью». Как мы помним, через несколько десятилетий Бисмарк сделает формулировку «железом и кровью» своим кредо.

Наконец, Ян сыграл одну из ключевых ролей в становлении цветов

униформы добровольческого корпуса Лютцова в качестве новой национальной символики Германии. Уже упомянутое выше всегерманское студенческое общество в Йене избрало черно-красно-золотой триколор своим официальным штандартом. 12 июня 1815 г. жительницы Йены подарили обществу знамя: красное полотнище с горизонтальной черной полосой в середине и изображением золотой дубовой ветки. Это событие позже было запечатлено поэтом Даниэлем Августом фон Бинцером в песне «Мы построим прочный дом». Не забывал Ян и о втором фронте своей деятельности. В 1816 г. в соавторстве с Эрнстом Эйзеленом он выпустил книгу «Немецкая гимнастика», где подробно рассказал о любимом детище — системе физической и одновременно моральной подготовки молодежи.

Беспокойство чиновников по поводу чересчур активного ирредентиста все более нарастало. Едва ли не кульминационным моментом стал съезд студенческого союза в октябре 1817 г. в Вартбурге, приуроченный одновременно к трехсотлетию Реформации и очередной годовщине Лейпцигской битвы. На съезде был поднят черно-красно-золотой стяг, а затем совершено торжественное сожжение антинациональных предметов, в число которых попали капральский жезл, коса прусского парика, некоторые книги и законодательные акты. Одной из книг была «Германомания» некоего Саула Ашера. Лев Поляков в своей «Истории антисемитизма» саркастически пишет, что попадание этого труда в костер «не позволяло питать сомнения относительно природы этих первых немецких освободительных чаяний. Ашер писал: “Разумеется, они сожгли мою ‘Германоманию’, потому что я утверждаю в ней, что все люди сделаны из того же материала, что и немцы, и что христианство не является немецкой религией”. Это замечание, принадлежащее, кстати, довольно посредственному

автору, свидетельствует о функции разрушителей мифов, которую станут осуществлять многие знаменитые его единоверцы по ту сторону Рейна»⁵. Что ж, вспоминая этнический состав костяка Франкфуртской школы, а также современных леволиберальных массмедиа, приходится констатировать: «разрушение мифов», горделиво именуемое нынче «деконструкцией», по-прежнему остается неотнимаемым хлебом единоверцев Ашера и Л. Полякова...

Впрочем, антисемитский характер мировоззрения Ф.Л. Яна сам по себе является мифом, который необходимо деконструировать. Часто приписываемое ему высказывание «несчастье Германии — аристократы, попы, евреи, французы и поляки» не имеет никаких достоверных документальных подтверждений, на что еще в 1891 г. указывал историк Карл Эйлер. Достоверно установлена и его дружеская связь с некоторыми студентами и общественными деятелями еврейского происхождения⁶. Встречающиеся же иногда в эпистолярном наследии Яна антииудаистские инвективы никак на его общественно-политическую деятельность не влияли.

Как бы то ни было, Ян окончательно попал в немилость. Его главным оппонентом стал сам прусский канцлер Гарденберг, давно пытавшийся поставить гимнастическое движение под контроль официальных структур, чему Турнфатер активно противился. В июле 1819 г. Яна берут под стражу как якобы виновного в подрывной антигосударственной деятельности. Его содержат в крепости Шпандау, а через год знакомят с первыми обвинениями от специальной следственной комиссии. Кстати, в деятельности данной

комиссии принимал участия знаменитый писатель Э.Т.А. Гофман, который, ознакомившись со всеми материалами, принял сторону «отца гимнастики» и даже поддержал его иск против начальника полиции Кампца. Гофман, испытывавший очевидную симпатию к Яну, сделал его прототипом главного героя своего последнего крупного романа «Мастер блоха» (или «Повелитель блох»), вызвавшего серьезные нарекания прусской цензуры⁷.

До окончания дела Яна отправили в крепость Кольберг. Прошло два года, и ему вынесли приговор — просидеть еще столько же. В 1825 г. Яну была объявлена амнистия, с условием жить подальше от Берлина и вообще от крупных городов, имеющих университеты. Движение турнеров к тому времени давно разогнано, а преподавание гимнастики — запрещено.

Ян решил поселиться во Фрейбурге. Через три года его выслали и оттуда в город Кёлледа, обвинив в подготовке мятежа. Вернуться во Фрейбург, где он затем прожил до скончания своих дней, удалось лишь в 1835 г. Ян продолжил активную писательскую и публицистическую работу на ниве национальной мысли, невзирая на недовольство властей, ведь он чувствует себя раз и навсегда связанным с родной землей, а не с текущей конфигурацией ее правящих элит. Получив однажды выгодное предложение преподавать немецкую литературу в США, Ян отказался от него, сказав с усмешкой: «Зайцы и олени любят жить там, где на них больше всего охотятся».

Смерть Фридриха Вильгельма III в 1840 г. смягчила настрой прусских властей по отношению к опальному гимнасту. Яна наградили Железным крестом за мужество в борьбе с Напо-

⁵ Поляков Л. История антисемитизма. М.—Иерусалим, 1997. С. 862.

⁶ Salomon Stiebel. Erinnerungen aus den deutschen Befreiungskriegen von 1813 und 1814. Frankfurt a. M., 1847.

⁷ Калининков Л. Моральная политика против политического морализма. Политическая сатира в рождественской сказке Э.Т.А. Гофмана «Мастер Блоха» // Кантовский сборник. 2011. № 4.

леоном, а через некоторое время вновь были узаконены занятия гимнастикой.

Национальная германская революция 1848–1849 гг., происходившая в общем контексте европейской «весны народов», стала лебединой песней Турнфатера на политическом поприще. От прусского города Наумбург, что неподалеку от Фрейбурга, его избирают депутатом Франкфуртского национального собрания, где он, всегда относившийся к монархии в лучшем случае как к одному из возможных факторов собирания германских земель, примыкает к лагерю крайне правых консерваторов. Для него были неприемлемы предлагаемые многими республика или выборная монархия — только наследственная монархия Гогенцоллернов. Через пару десятилетий так и случится, пока же попытка объединения потерпела крах. Спустя три года, 15 октября 1852 г., закончил свой жизненный путь, полный славы, свершений и невзгод, и сам Ян. На его могиле в 1894 г. был построен гимнастический зал с музеем. В настоящее время во Фрейбурге музей Ф.Л. Яна действует в доме, где он жил в конце 1830-х гг.

Прославление памяти Турнфатера после его смерти с каждым годом приобретало все больший масштаб. В 1859 г. появился первый памятник, все там же, во Фрейбурге. В 1863 г. немецкими гимнастами была учреждена пенсионная касса для учителей гимнастики, их жен и детей, которая носит название «учреждения Яна» (Jahnstiftung). Затем последовали неоднократные издания и переиздания отдельных сочинений и их собраний, увековечивание в топонимике, выпуск марок. В настоящее время именем Ф.Л. Яна названы улица в Лейпциге, гимназия в Грейфсвальде и спортивный парк в Берлине, существуют мемориалы в Грос-Герау и Вене, а также за океаном — в Цинциннати (этот

город, как известно, основан в конце XVIII в. немецкими переселенцами) и Сент-Луисе. Особо же трепетно к памяти Яна относились в ГДР, которая значительно больше, чем ФРГ, чувствовала себя преемницей прусской национальной традиции. Можно найти отдельные признаки уважения к выдающемуся педагогу и мыслителю и в России — так, его именем названа гимназия в городе Заводоуковск (Тюменская область). А вот богатейшее творческое наследие Яна русскому читателю практически неизвестно, что, несомненно, относится к числу досадных казусов, нуждающихся в исправлении.

Как и любого национального мыслителя, а уж тем более мыслителя немецкого, Яна пытались и пытаются (несомненно, в дальнейшем попытки продолжатся) «пристегнуть» к нацизму. Обвинения в антисемитизме уже упоминались выше, но хватает и других пропагандистских клише из традиционного набора — так, огромное количество спекуляций ожидаемо вызвало использование Яном термина «фюрер», хотя феномен вождя и вождизма в европейской истории и политической мысли был известен в разных вариантах задолго до XIX века. Одним из первых на данном поприще отметился Джордж Вирек, в своей книге «Метаполитика: корни нацистского разума» (1941) выведший генеалогию Гитлера от немецких авторитарных романтиков, а тех, в свою очередь, обозначивших духовными детищами Яна⁸; отечественному наблюдателю нельзя не заметить здесь параллелей с известной схемой Ленина о последовательном пробуждении декабристов, Герцена, разночинцев и народовольцев. За Турнфатера тогда вступился критик Жак-Мартен Барзен, назвавший построения Вирека «карикатурой без сходства», основанной на «вводящих

⁸ Viereck Peter. Metapolitics: The Roots of the Nazi Mind. N. Y.: Capricorn Books, 1961.

в заблуждение ярлыках»⁹. К сожалению, попытки обсуждать и оценивать не только Яна, но любую национальную мысль и любые национальные движения исключительно с помощью ка-

⁹ Journal of the History of Ideas, 3:1 (Jan 1942). S. 107–110.

рикатур с ярлыками за прошедшие три четверти века не ослабли, а лишь только усилились. Тем не менее образ великого — без преувеличения — немца, сумевшего объединить гимнастику с национализмом на благо Отчизне и народу, подобного рода демагогия в наших глазах опорочить никак не может.

«ВН» в соцсетях

Новости «Вопросов национализма» можно узнать на страницах социальных сетей, посвящённых журналу.

Facebook: facebook.com/vnatio; «В контакте»: vk.com/vnatio.

- Анонсы новых публикаций
- События журнальной жизни
- Оформление подписки
- Приобретение электронной версии
- Обсуждения и дискуссии